

УДК 398.3(=511.131)(045)

*Е.В. Попова***ТИШИНА И ЗВУК В ТРАДИЦИОННОЙ КАРТИНЕ МИРА БЕСЕРМЯН**

В статье рассматриваются номинации «звук» и «тишина» в контексте традиционной картины мира и в характеристике сакрального пространства бесермян. В определенные периоды года, сезонов и частей суток пространство обладает и наделяется/наполняется звуками (крик, призыв, песня, стук), меняющими его характеристику. Каждое сакральное пространство имеет определенные звуковые характеристики, связанные с такими параметрами картины мира и мифологии, как «тишина» и «шум». Символика производимых человеком звуков и ритуального пения была связана с конкретными местами ландшафта и с определенным временем. Звуками и пением изгоняли духов, пробуждали природу после зимы, то есть их цель была продуцирующая. Тишина – это звуковая характеристика некоторых сакральных мест (кладбища, священных рощ, мест молений) и времени (ночи, полночи, переходного времени года). Изменение «типичной» или свойственной определенному пространству звуковой характеристики может быть как случайным нарушением его пространственных и временных параметров, так и совершением с ритуальной целью.

Ключевые слова: бесермяне, сакральное пространство, звук, тишина, звуковой ландшафт, семиотика звука, картина мира.

Номинации «звук» и «тишина» относятся к категориям космогонических представлений и картины мира бесермян, характеризуя сакральное и профанное время и пространство. Они определяют правила поведения по отношению к почитаемым местам. Нарушение соответствующих звуковых характеристик сакрального и профанного пространств, свойственных им в определенные промежутки времени суток или года, считается нарушением звуковых норм, может привести к изменению его характеристик, случайным или преднамеренным нарушениям его границ.

Акустический/звуковой код в культуре является предметом изучения в рамках междисциплинарных подходов, темой специальных конференций и симпозиумов. В сфере внимания исследователей находятся звуковое маркирование культурного ландшафта и пространства этнокультуры [26; 27], семиотика звука и речи в традиционной культуре, включая магическое значение звука и пения [30; 31; 33]. Специальная тема изучения – звуки и мелодии, издаваемые с ритуальной целью музыкальными инструментами [36].

В статье рассматриваются такие ритуальные и повседневные звуковые характеристики, как «тишина» и «звук», присущие или приписываемые в рамках пространственно-временных параметров некоторым объектам сакрального ландшафта в селениях бесермян. Статья основывается на собранных в разные годы полевых экспедиционных материалах автора. Значение некоторых звуков и ритуальных напевов частично рассматривалось нами при изучении календарных обрядов и культовых объектов бесермян [34; 35], но предметом отдельного анализа не было.

Тишина и безмолвие. Тишина и одновременно запрет на шум, пение и звуки характеризуют сакральное пространство и время, их пограничные/переходные параметры. В поэтических и мифологических образах звуковые категории земного мира шум/звук противопоставляются тишине/безмолвию потустороннего. В определенные периоды времени, когда изменялась и характеристика пространства (сумерки, переходное время сезонов, сакральное место), запрещалось шуметь, петь, громко разговаривать, свистеть; или, наоборот шумы/звуки/пение были частью обрядов, производились с ритуальной целью и чтобы отпугнуть обитателей иного мира.

Запрещалось шуметь ночью и в пограничное время: полдень, полночь, во время утренних и вечерних сумерек, – когда, как считали, границы «этого» и «иного» мира становились уязвимы и представители «иного» мира могли проникнуть в освоенное человеком пространство. В период вечерних сумерек, известных у бесермян как *акшан*, следовало прилечь, не начинать работы, не шуметь. В полдень, находясь за пределами селения или в лесу, старались не кричать, не издавать громких шумов. Считали, что шум мог привлечь злых духов, Шайтана и духов болезни; изменить погоду, а сами издаваемые в это время звуки ассоциировались с иным миром.

В период летнего солнцестояния, известного как «летние святки» *гужем вожо*, не разрешалось шуметь в лесу, в полях, вблизи источников, полагая, что в это время, в период цветения и вызревания хлебов в поле, за пределами жилого пространства находятся духи *вожо*. Шум около родника мог

стать причиной непогоды, гроз, града, ураганов в летний знойный день; отразиться на будущем урожае. Запрещали греметь посудой у источников и водоемов.

Запрет распространялся и на свист, который мог нарушить равновесие в природе, вызвать ветры, грозы и затяжные дожди, стать причиной вихря и урагана. Но если была необходимость в ветре, то его вызывали легким посвистыванием, например, при веянии зерна или сушке травы. Подобный обычай встречался и среди удмуртов [28. С. 56–57; 29. С. 275]. Свистеть и шуметь запрещалось в доме, чтобы не напугать Хозяина дома *Корка кузё* и не вызвать ветер, который может снести, как полагали, кровлю избы.

Тишина, соблюдение тишины – таковы характеристики сакрального места, святилища, норма ритуального поведения при посещении почитаемых объектов природы, священных роц, мест молений, источников, возделываемого поля, локусов с отрицательной характеристикой («плохие» места). «Тишина» была свойственна кладбищу и связанному с ним сакральному пространству, похоронно-поминальным обрядам, за исключением ситуаций, предполагавших исполнение специальных напевов. Выполняя функции медиаторов между мирами, поминальные и погребальные напевы *вачекон крезь/ватон крезь* были выражением чувств, способом коммуникации с умершими. Вне обряда их исполнение считалось нежелательным, что продиктовано опасением «побеспокоить души умерших» [38. С. 55]. Исполнение таких напевов на кладбище было частью ритуального поведения, звуковой характеристикой места и обряда, а потому такое ритуальное нарушение тишины было допустимо и необходимо.

Поведение в местах молений, как, например, во время летнего моления о дожде с принесением в жертву бычка и приготовлением ритуальной каши, предполагало соблюдение почти полной тишины, запрет на исполнение песен. *«Там принесли в жертву бычка красной масти. <...> Принесешь испеченные дома шаньги, какую-то еще еду с собой. Кое-что там оставляешь. Там не поют. Все тихо и молча. Делят между собой кашу. В котлах [ее] варили. <...> Там ели, пили и уходили. Никто не пел, не болтал...»* [24]. Молчание, соблюдение тишины, шёпот олицетворяли «другой» мир и не нарушали границ пространства в отличие от пения или громкой речи.

Соблюдение тишины и молчание были важной частью при приближении или «пересечении» границ сакрального пространства. Например, совершая обряд лечения, и относя жертвенную пищу и продукты к месту поклонения (обитания духов болезни), и возвращаясь обратно, запрещалось разговаривать с встречаемыми: *«Берешь ткань, в ткань, например, кладешь крупу, перевязываешь <...> И куклу тоже делаешь из ткани, в платке, с передником. <...> Идешь «бросать», разговаривать ни с кем нельзя. Идешь не разговариваешь, молча возвращаешься»* [25].

Безмолвие и тишина ассоциируются с обитателями иного мира, как, например, со святочными духами *вожо*. Мир ряженных – это мир молчащий, немногословный, где даже олицетворяющие святочных духов ряженные не разговаривают, лишь постукивают палкой, притопывают, изображают подбодие пляски: *«Переодетые пляшут. Лица закрыты. Ходят молча, песен не поют. Только стучат палками и топают»* [12]; *«Проходят в комнату, делают круг, танцуют и стучат палкой по полу»* [13]. Вступать с ряженными в диалог считалось нежелательным. Исключение – это короткие фразы пожеланий хозяевам урожая, приплода скота. Постукивание палкой, топание не характерны для повседневного поведения в помещении, но были позволительны ряженным. По деревне, на улице переодетые в маски группы обычно передвигаются с шумом, иногда под наигрыш гармони. Однако при встрече молчат, не поют, не отвечают на вопросы или попытки заговорить с ними.

Звук, шум, возгласы. Напевы, выкрики, громче обычного произносимые фразы, стук, свист маркировали пространство и совершались в некоторых местах селений с наступлением весны. Их цель – защитить пространство и его обитателей, прогнать духов или болезни, зиму и снег. Ритуальные звуки и шумы маркировали пространство и его границы, переходное время, смену сезонов, пробуждение природы.

Возгласы, пение, постукивание предметами в избе совершалось специально во время некоторых, преимущественно весенних, обрядов. Например, в Великий четверг, ударами в стены избы выгоняли злых духов: *«Гоняют шайтана, стуча сырыми лутошками в стены изб, впрочем, это вышло уже из обычновения, разве существует только между детьми в виде шалости»* [3. Л. 23об.]. Возгласы, звукоподражания, специально произносимые утром Великого четверга, имели защитное и продуцирующее значение. Например, подражали голосу домашней птицы и животных: *«Кълък-кълък кричали, чтоб цыплята были в сохранности»* [15], *«Рано утром произносили: Чипы-чипы! Диго-диго!, слов-*

но подзывали кур и гусей» [9]. Животных подзывали в дымоход и раскрытое окно, то есть магические функции голоса/возгласа усиливались на границе пространства, «проникая» в иной мир, за пределы освоенного пространства.

Возгласы, призывы громче обычного имели ритуальное назначение, произносились при подзывании скота с поля, чтобы тот возвращался летом с пастбища: «...хозяин или хозяйка выходит в хлев и, обращаясь к каждому животному и птице, громким голосом произносит соответствующие им клички. Обращаясь, например, к овце он произносит: чиге, чиге, чиге...; обращаясь к курице: чипы, чипы, чипы, чипы и т. д.» [32. С. 57–58]. Если в первый день выгона скота в поле его с ритуальной целью громко звали у ворот, то в другое время подобные выкрики, звукоподражание производились и воспринимались как обыденные. Выкрики за пределами селения имели и защитную функцию. В Великий четверг утром до восхода солнца кричали в поле и в лесу, чтобы прогнать хищного зверя, особенно волка [3. Л. 23]. Возгласы в весенней обрядности имели и продуцирующее значение. Накануне выхода на посев молодежь в лесу трижды выкрикивала слово *аргар*: «просила всевышнего об изобилии, урожае» [37. С. 47].

Ареал/зона распространения звука, издаваемого человеком (голоса, звуки трудовой деятельности и жизни селения), голоса домашних животных или инструментом (гармонь, колокол) характеризуют освоенную территорию. Среди звуков освоенного пространства особое место занимает колокольный звон, отчасти как звуковой символ села, прихода, имеющий и магические, защитные функции в народной традиции. Колокольный звон отличался от всех звуков, издаваемых в ходе трудовой, повседневной и обрядовой деятельности человека. Колокол, по мнению исследователей, «проникая на новые территории и в разные уровни культурного сознания, довольно быстро менял конфигурацию существовавшего до той поры звукового ландшафта, формируя его по-новому и выходя на роль звуковой доминанты» [27. С. 113]. Звон колокола наделялся защитными функциями, мог «отогнать» духов. Он имел ритуальное назначение, сигнальные функции, оповещал о службе, был временным ориентиром: «Колокольный звон слышался в окрестные деревни прихода» [18]; «Звон колоколов был слышен на пятнадцать верст вокруг» [22]; «Отдельный колокол был для созыва верующих в воскресные дни, а также на Пасху» [6]; «По субботам, по праздникам звенели колокола, было слышно далеко. Каждый колокол звенел по-разному, что придавало торжество, душевный настрой» [7].

Звуковое маркирование сакрального пространства показывает, что каждый объект обладает или наделяется своей звуковой характеристикой, которая выражается как в соблюдении абсолютной тишины, так и в воспроизведении особых звуков.

Направление и характер звука. Символическое значение звука, практика предсказаний и предзнаменований связаны с направлением, откуда идет/слышится звук. Это касается обыденного времени, но особое значение приобретает в сакральное/пограничное время. Звук из разных направлений или сторон света имел разную трактовку в гаданиях, предсказывании судьбы и событий. Восток, юго-восток, как и первая половина дня, наделялись положительной характеристикой, а север и северо-запад – отрицательной, негативной. Так, шумы, услышанные с востока и юга во время гаданий в святки, в канун выхода на посев, предвещали урожай и благополучие, с севера и запада – голодный год и рекрутчину [37. С. 278]. В святки, в ночь с 13 на 14 января, ходили «слушать» под окна, у амбаров, около пустых изб, на перекрестки дорог, в овин, к углу амбара или за ворота. Шум пересыпающегося зерна предвещал урожайный год, подметающей метлы – голод: «Слушают у амбаров и пустых изб: если слышится, как будто там метут пол, то значит – на следующее лето будет голод; если же пересыпают зерно из одной посуды в другую, то будет урожай» [5. С. 117].

Непривычные звуки, нарушение тишины, характерные шумы также расценивались как недоброе предвестие. Например, если собака воеет, наклонившись к земле; черный ворон кричит на кладбище; курица петухом кукарекает; несколько петухов одновременно поют; дятел стучит в угол избы; птица бьется о стекло: «Петух кричит, значит, утро. А если очень много кукарекает – будет покойник» [23]. Во время святочных гаданий плохим предзнаменованием считали стук топора или работу рубанка.

В весенней обрядности слушали шумы на возвышенности. Например, в канун выхода на посев в поле, на самом высоком месте, призывали урожай возгласами «*Аргар!*», исполняя специальный напев. Во время обряда мужчины с приближением полуночи, по команде одного, прикрыв уши, трижды хором кричали «а-у-у-у». Затем прислушивались к звукам: шум и лай, раздавшийся в северном направлении, предвещал неурожай; с востока – служил предзнаменованием хороших хлебов на полях именно в восточной части селения [37. С. 278].

Звук/тишина на границе освоенного пространства. В космогонических представлениях и звуковой характеристике пространства воспроизведение звука или соблюдение тишины связано и с его границами. Такие границы между «этим» и потусторонним миром считались более уязвимыми для проникновения обитателей иного мира: духов болезней и природных объектов, предков. Соблюдение тишины призвано не нарушать этих границ, а специальный шум и звук – наоборот, могли их разрушить или же производились специально с такой целью. Символические границы отождествляются или совпадают с такими объектами ландшафта, как дорога (река, перекресток) и жилища (дымоход, устье печи, дверь, окна). Слушать звуки и шумы во время святочного гадания выходили на перекресток. У печи зазывали потерявшийся на выпасе скот [16]. Печь и вьюшка являются местом коммуникации с «чужим» миром. В дымоход утром в Великий четверг зазывали скот, чтобы был приплод, а животные возвращались домой с пастбища. В дымоход звали пропавший в лесу скот. Во время службы мать солдата выкрикивала в печную вьюшку: «*Пусть врагу не попадет! Пусть вернется!*» [15].

Звуки; несвойственные пространству и определенному времени шумы; или – которые раздаются в пограничное время (утренние часы, вечерние сумерки, полдень, полночь) и в пограничном пространстве, приписывались обитателям иного мира. Границы между мирами могли нарушаться именно в определенных пространственно-временных параметрах. В это время увеличивалась вероятность «контакта» с различными духами, божествами, хозяевами-покровителями природных объектов. Присутствием или проникновением «обитателей иного мира» считают слуховые и визуальные галлюцинации, которые называют *ишан*. Это ситуации, когда человек внезапно слышал голоса, звуки, не характерные для конкретного пространства. Все это интерпретируется как плохое предзнаменование.

Услышать в святочный период звуки трескающегося льда на реке, шумы за пределами селения и дома, особенно в Крещение, когда святочные духи *вожо* покидают этот мир, считали нежелательно. Шумы трескающегося льда, как полагали, издают «уезжающие» или «уходящие» вниз по реке святочные духи. Здесь в пограничное время река выступает как граница, и услышанные шумы усиливаются сакральным временем и пространством. Прибегать к гаданиям, основанным на слуховых впечатлениях, в поле, у реки, на улице считали опасным занятием.

Пение в маркировке пространства и времени. В определенное время календаря и суток пространство и сакральные объекты маркировались еще пением. Ритуальные напевы были привязаны к определенному месту ландшафта (берег реки, холм, гора), и обряду. Наиболее ярко эти функции звука и пения представлены в обрядах проводов льда и выхода на посев.

Исполняемые напевы маркировали место, событие, новый временной и земледельческий цикл, знаменовали пробуждение природы, начало полевых работ. В канун первого входа на посев на возвышенности выкрикивали: «Аргар!» и «Айкай!» – так оповещали о наступлении нового сезона, помогали пробуждению природы, зазывали весну и урожай. Эти функции выполнял и напев: *Арафа/Арафа крезь* (букв.: напев обряда арафа), – который исполняли на возвышенном месте (д. Шамардан, Юкаменский район, УР) или под ритм деревянных колотушек во время пения на берегу (д. Юнда, Балезинский район, УР).

У бесермян верховьев Лекмы канун выхода на посев известен как *аргар/аргар карон* (букв.: устраивать *аргар*), где одним термином обозначали ритуальные выкрики на возвышенности и обход селения с исполнением напева: «*Говорили, пойдём аргар делать. Пели там аргар крезь! Аргар петь ходили весной*» [19]. Напеву приписывали продуцирующее значение, считали, что он повлияет на урожай. Запевать выбирали удачливого человека, имеющего «легкую руку на посев». Начинали обход с одного конца деревни, с пением заходили в избы, где «стучали по полатам над дверью» [4. Л. 10–11]. Вечером молодежь разжигала на возвышенности за деревней костер, играла и пела (д. Жувам, с. Ежево).

Обряд у реки сопровождался воспроизведением специальных шумов, постукиванием в ритм пению по «звучащему» бревну: «*Проводят на берегу реки. Там ставили бревно у воды. Делали деревянные палки чолпан, и стучали по бревну. Постукивая, говорили какие-то слова, пели арафа крезь*» [10]; «*После того как постучат по бревну, старики уже с песней возвращаются. Это уже пожилые люди, а не молодежь. <...>А когда по бревну стучали, как гудело бревно. Специально звучащее бревно клали. При постукивании оно словно колокол гудело. А на следующий день уже акашка*» [10; 13]; «*Старики били по бревну и говорили: «Арафа пусть выйдет, акашка пусть зайдет» домам*» [1. Л. 25]. Завершив напев, дерево и колотушки бросали в реку: «*Утром идут в баню, а вечером до заката солнца все шли к реке, там молодежь палками, колотушками стучит по бревну, потом и палки и колотушки через голову бросают в воду, а бревно скатывают туда же*» [2. Л. 5–6].

Ритуальное назначение пения усиливалось, постукиванием деревянными колотушками вначале в избах, затем по бревну на берегу, где их выбрасывали в реку: «*Ходят из дома в дом. Встав на скамейку, небольшими молоточками постукивают в матицу. Старики ходят. Поют что-то*» [14]; «*Войдя в дом, стучат палкой по полам. Говорят “Арафа выйди! Акашка войди!”*» [11]. Обряд и постукивание считались способом отогнать беды и болезни, «чтобы волки летом в поле не бегали».

Специальное звуковое структурирование ландшафта с помощью напева «проводов воды» проходило у реки во время ледохода. Обряд и ритуальный напев были направлены на пробуждение реки, маркировали пространство: «*Спускались к реке и пели там йе келян крезь ‘напев проводов льда’. Костер разводили. <...> Под гармошку плясали. <...> У воды собирались и там пели. Пели песню, провозжая воду. Пели и плакали все мы. Так провозжали*» [20]. Обряд включал обращение к реке и Хозяину воды *Ву кузё*. В воду выливали напитки, клали хлеб, бросали монеты: «*...Ходили к реке и провозжали лед. Стоим у реки. Жжем костры на берегу. Пели песни разные*» [21].

Таким образом, номинации «звук» и «тишина» – это важная характеристика космогонических представлений и категории традиционной картины мира бесермян. Звуки и шумы, включая ритуальное пение и возгласы, олицетворяли мир людей/очеловеченное/живое пространство, находились в одной категории с такими параметрами как «этот» земной мир/солнце/дневной свет/день/тепло. Тишина и безмолвие, противопоставляются шуму и звуку – характеризуют «иное» потустороннее пространство, отождествляются с такими параметрами как луна ночь/темнота/холод. Естественное или преднамеренное изменение звукового ландшафта в разные временные периоды и во время обрядов маркирует соответствующим образом данное пространство. В определенные периоды времени и пространства такие нарушения допускались и создавались специально для изменения границ посредством ритуальных действий, пения, звуков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антуганов [Инициалы неизвестны]. Бесерманьёс [Бесермяне]. 1920-е годы // Научно отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского Отделения РАН (далее – НОА УИИЯЛ УрО РАН). Рукописный фонд. Оп. 2Н. Д. 391.
2. Биянова М. История народа бесермян // НОА УИИЯЛ УрО РАН. Рукописный фонд. Оп. 2Н. 1936 г. Д. 391. Биянова, РФ УИИЯЛ, д. 391, оп. 2Н, л. 5-6.
3. Сатрапинский К. А. Вотяки и бесермяне, проживающие в приходе и селе Укан Глазовского уезда // РГО. Р. 10. Оп. 1. 1854 г. Д. 48.
4. Крюкова Т. А. Отчет об экспедиции в Удмуртскую АССР научного сотрудника Т. А. Крюковой по сборанию этнографического материала в 1947 г. // Архив Российского этнографического музея. Ф. 2. Оп. 1. Д. 972.
5. Зеленин Д. К. Где празднуют святки дважды в году? // Природа и люди. 1910. № 8.
6. Материалы школьного музея с. Ёжева. Записано от Т. И. Антугановой.
7. Материалы школьного музея с. Ёжева. Записано от А. Н. Камаевой.
8. Полевые материалы автора (далее – ПМА), 1990. Таисия Ефимовна Калинина, 1911 г. р., д. Юнда, Базезинский р-н, УР.
9. ПМА, 1990. Зинаида Павловна Пономарева (Жуйкова), 1928 г. р., д. Каменное, Юкаменский р-н, УР.
10. ПМА, 1990. Нина Михайловна Калинина, 1912 г. р., д. Юнда, Базезинский р-н.
11. ПМА, 1990. Варсанович Михайлович Урасинов, 1905 г. р., д. Юнда, Базезинский р-н.
12. ПМА, 1991. Елена Ивановна Зянкина, 1913 г. р., д. Турчино, Юкаменский р-н.
13. ПМА, 1991. Таисия Ефимовна Калинина, 1911 г. р., д. Юнда, Базезинский р-н.
14. ПМА, 1993. Дарья Иосифовна Калинина, 1917 г. р., д. Гордино, Базезинский р-н.
15. ПМА, 1993. Агрипина Ивановна Биянова, 1925 г. р., д. Гурзи, прож. д. Коротай, Глазовский р-н, УР.
16. ПМА, 1993. Дарья Иосифовна Калинина, 1917 г. р., д. Гордино, Базезинский р-н, Глазовский р-н.
17. ПМА, 1993. Елизавета Анисимовна Биянова, 1928 г. р., д. Курегово, Глазовский р-н.
18. ПМА, 1995. с. Ёжево, Юкаменский р-н.
19. ПМА, 1996. Галина Ивановна Волкова, 1946 г. р., с. Ёжево, Юкаменский р-н.
20. ПМА, 1999. Мария Алексеевна Пономарева, 1927 г. р., род. в д. Близ Варыж, с 1980 г. прож. д. Коротай, Глазовский р-н.
21. ПМА, 1999, д. Гордино, Базезинский р-н.
22. ПМА, 2002. Видеозапись, Тамара Федотовна Невоструева, 1934 г. р., с. Пышкет, Юкаменский р-н.
23. ПМА, 2004. Анатолий Захарович Мышкин, 1932 г. р., д. Гулекшур, Юкаменский р-н.
24. ПМА, 2004, д. Ворца, Ярский р-н, УР.
25. ПМА, 2004. Зинаида Степановна Тютина, 1936 г. р., д. Гордино, Базезинский р-н.

26. Андреева Е. Д. Звуковой ландшафт как реальный объект и исследовательская проблема // Экология культуры. М., 2000.
27. Андреева Е. Д. О звуковом маркировании культурного ландшафта и пространства этнокультуры // Культурный ландшафт как объект наследия. СПб., 2004.
28. Волкова Л. А. Ветер как мифологический персонаж в мировоззрении удмуртов // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития: материалы междунар. науч. конф. Глазов, 1997. Ч. II.
29. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998.
30. Звук в традиционной народной культуре. М., 2004.
31. Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.
32. Михеев И. С. Несколько слов о бесермянах // Извест. общества археологии истории и этнографии. Казань, 1901. Т. 17. Вып. 1.
33. Международная конференция «Голос и ритуал»: материалы конф. Май 1995 г. М., 1995.
34. Попова Е. В. Календарные обряды бесермян. Ижевск, 2004.
35. Попова Е. В. Культовые памятники и сакральные объекты бесермян. Ижевск, 2011.
36. Пчеловодова И. В. Звук-голос-инструмент в мифологическом представлении удмуртов // Вестн. Удм. ун-та. Сер. «История и филология». 2016. Т. 26. № 5.
37. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М., 1970.
38. Шаховской А. П. Народно-песенная культура бесермян. М., 1993.

Поступила в редакцию 12.09.16

E.V. Popova

SILENCE AND SOUND IN THE TRADITIONAL WORLDVIEW OF THE BESERMYAN

The article discusses the categories “sound” and “silence” in the context of the traditional worldview and characteristics of the sacred space. In certain periods of the year, seasons and dayparts the space was / is filled with sounds (a cry, a call, a song, a knock) which change its characteristics. Every sacred space has certain sound characteristics associated with such parameters of worldview and mythology as “silence” and “noise”. The semantics of sounds and ritual singing, produced by human beings, were tied to specific places of the landscape and to a particular time. Sounds and songs were performed to exorcise spirits, to awaken the nature after the winter, in order to increase (soil) fertility. Silence is the sound characteristic for some sacred places (cemetery, sacred grove, place of prayer) and time (night, midnight, transitional time of year). The change of “typical” or specific sound characteristics can be like a random violation of its spatial and temporal parameters, performed for ritual purposes.

Keywords: Besermyan, sacred space, sound, silence, soundscape, semantics of sound, traditional worldview.

Попова Елена Васильевна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН «Удмуртский институт истории, языка
и литературы Уральского отделения РАН»
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: elvpopova@yandex.ru

Popova E.V.,
Candidate of History, Senior Scientific Associate
Udmurt Institute of History, Language
and Literature of the Ural Branch of the RAS
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426004
E-mail: elvpopova@yandex.ru